

начиная съ реставрації Бурбоновъ въ 1815 году до ихъ паденія въ 1830 году; сколько самоотверженности было въ дѣятельности тайныхъ обществъ во время царствованія толстаго буржуа Людовика-Филиппа! Какимъ ужасомъ вѣтъ отъ заговоровъ, составляемыхъ итальянцами съ цѣлью свергнуть австрійское иго, — отъ ихъ героическихъ попытокъ, отъ невыразимыхъ страданій ихъ мучениковъ. Какъ мрачна и грандіозна была бы трагедія, описывающая все преслѣдованія, которымъ подвергалась тайная работа русской молодежи, подкапывающейся подъ правительство, стремящейся преобразовать капиталистическій и земельный режимъ, — работа, продолжающаяся съ 1860 года до нашихъ дней! Сколько благородныхъ личностей предстало бы предъ современнымъ социалистомъ, если бы онъ прочелъ эти драмы; сколько самоотверженности и величественнаго самоотреченія увидѣлъ бы онъ въ нихъ, какое революціонное воспитаніе, не только теоретическое, но и практическое, могли бы они дать нашему поколѣнію!

Мы не станемъ тутъ заниматься подобнымъ изученіемъ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами, въ которыхъ покажемъ какими средствами пользовались наши отцы для революціонной агитації.

Бросимъ бѣглый взглядъ на одинъ изъ періодовъ, предшествующихъ 1789 году, и, оставивъ въ сторонѣ подробный анализъ обстоятельствъ, создавшихъ къ концу прошлаго вѣка революціонное положеніе, ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ пріемовъ агитації, употребленныхъ нашими предшественниками.

Революція 1789—1793 года дала намъ два крупныхъ явленія. Низверженіе королевской власти и появленіе буржуазіи у кормила правленія, съ одной стороны; окончательное уничтоженіе рабства и ленныхъ податей въ деревняхъ, съ другой. Оба они тѣсно связаны между собой, немыслимы одно безъ другого. Эти два теченія замѣчаются въ агитації предшествующей революціи: агитація противъ королевской власти въ средѣ буржуазіи, агитація противъ правъ сеньоровъ среди крестьянъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на оба эти теченія.

Газета въ ту эпоху не имѣла того значенія, которое она приобрѣла сейчасъ; ея мѣсто занимали брошюры, памфлеты и листки въ три, четыре страницы. Брошюры распространяли въ массахъ идеи философовъ и экономистовъ, предшественниковъ революціи; памфлеты и летучіе листки способствовали агитації, направляя весь ядъ своего сарказма на трехъ главныхъ враговъ народа: короля и его дворъ, аристократію и духовенство.

Тысячи летучихъ листковъ говорятъ о развращенности королевы, о порокахъ и преступныхъ развлеченіяхъ двора, срываютъ съ него обманчивые покровы, осмѣиваютъ его и стремятся обнажить всю его подлость и глупость.

Любовныя исторіи короля, придворные скандалы, безумная расточительность, знаменитый *Pacte de Famine* — союзъ между правителями и скупщиками хлѣба, заключенный съ цѣлью нажитья, заставляя голодать народъ, — вотъ о чемъ говорятъ памфлеты. Ихъ авторы всегда на сторожѣ и пользуются всякимъ случаемъ общественной жизни, чтобъ нанести ударъ своимъ врагамъ. Какъ только въ обществѣ заговорятъ о какомъ-нибудь событіи, — памфлетъ и летучій листокъ спѣшатъ дать ему свое толкованіе. Они удобнѣе чѣмъ газета для такого рода агитації. Газета — цѣлое предпріятіе; ея прекращеніе можетъ поставить въ затруднительное положеніе всю партію, и потому приходится призадуматься прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь рискованное. Памфлетъ же и листокъ компрометируютъ только автора и типографа, — а попробуйте-ка ихъ найти!..

Авторы этихъ листковъ, очевидно, должны были первымъ дѣломъ освободиться отъ цензуры. Тогда не прибѣгали еще къ милой уловкѣ современнаго іезуитства, къ судебному преслѣдованію прессы, которое лишаетъ всякой свободы революціоннаго писателя; авторовъ и типографовъ арестовывали по тайнымъ повелѣніямъ, по грубымъ, но, по крайней мѣрѣ, откровеннымъ „*lettres de cachet*».

И поэтому авторы печатали свои памфлеты или въ Амстердамѣ, или еще гдѣ-нибудь, — „за сто верстъ отъ Бастиліи, подъ деревомъ Свободы«. Они не стѣснялись въ своихъ нападкахъ; поносили короля, королеву и ея любовниковъ, сановниковъ и аристократію. Съ этой подпольной прессой полиція, конечно, не могла справиться; сколько она ни обыскивала книжные магазины, ни арестовывала газетчиковъ, — авторы не попадались ей въ руки и спокойно продолжали свое дѣло.

Пѣсня, — слишкомъ правдивая, чтобъ быть напечатанной, переходившая изъ устъ въ уста съ одного конца Франціи на другой, — была всегда однимъ изъ самыхъ удачныхъ способовъ пропаган-